

Я. В. Комар

**БОЛГАРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КРЫМА В 1929–1934 гг.
По материалам Государственного отраслевого архива
Службы безопасности Украины**

За последние годы в украинской исторической науке одной из наиболее освещаемых тем стали политические репрессии 20–30-х годов XX столетия с акцентом на трагедии Голодомора 1932–1933 годов. Их объективному освещению в значительной степени способствует Указ Президента Украины № 37/2009 «О рассекречивании, обнародовании и изучении архивных документов, связанных с украинским освободительным движением, политическими репрессиями и голодоморами в Украине»¹. Несмотря на принятие такого указа, пока рано говорить о полном доступе к информации тех лет. Речь идет о материалах деятельности оперативных органов СССР, отчетах поселковых и районных советов о положении дел на местах, сводных статистических данных о количестве населения, миграционных потоках, уровне рождаемости, смертности и многом другом.

Одной из ведущих институций, которая может пролить свет на интересующие нас проблемы, является Государственной отраслевой архив Службы безопасности Украины (ГОА СБУ), где находится на хранении подборка литерных дел по болгарским поселениям в Крыму и по крымским болгарам, проживающим в смешанных селениях, под названием «Болгария». Материалы этих дел отражают деятельность Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР в Крыму² в отношении болгар полуострова и впервые вводятся в научный оборот. Этим обуславливается научная новизна работы: несмотря на усилившийся в последнее время интерес к истории и культуре болгарского населения Крыма³, рассматриваемая нами тема еще не стала объектом специального анализа.

Выбор хронологических рамок статьи вытекает из периодизации советского общества межвоенного периода: 1929-й – год коренного поворота в экономической политике СССР (сворачивание НЭПа, введение принудительной продразверстки, «раскулачивание», «коллективизация») и 1934-й – как завершающий год общественных преобразований тоталитарного типа и в то же время исходная точка начала массовых репрессий, что было связано с зарождением аппарата НКВД.

Геополитическое и геостратегическое значение полуострова, где 18 октября 1921 года учреждалась Крымская Автономная Социалистическая Республика в составе РСФСР, всегда было велико. Долгая борьба за эту территорию, история ее присоединения к русским владениям, особенности формирования многонационального населения и утверждения здесь советской власти, базирование в Севастополе Черноморского флота, наконец, – все привело к установлению особо пристального внимания к крымскому региону со стороны руководства СССР. Пребывая в состоянии постоянной подозрительности, тоталитарное государство видело «врагов народа», пособников и предателей едва ли не в каждом втором жителе полуострова. В Крыму особенно недоверчиво относились к болгарам, туркам, грекам, армянам и татарам. Для постоянного контроля

над ними и общественными настроениями вообще был создан мощный государственный политический сыск.

Главной целью данной статьи является анализ документов органов ОГПУ о состоянии болгарского населения Крыма в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Достижение поставленной цели реализуется через изучение историко-политических условий возникновения указанных документов, определение методов деятельности органов ОГПУ по «разработке» болгарского населения автономии, освещение особенностей формирования политики советского руководства по отношению к крымским болгарам.

Четкая и предметная организация оперативно-агентурной работы, проводимой ОГПУ на территории полуострова, отраженная в архивном деле № 1134, дает возможность современному исследователю изучить целый ряд вопросов, связанных не только со специфической деятельностью спецслужбы на территории Крыма. В фондах ГОА СБУ содержится информация об особенностях жизни и быта болгар Крыма в этот период, уровне их образования, проблемах национальной школы, перипетиях политической жизни Болгарии и многое другое.

Общая активизация деятельности ОГПУ с конца 1920-х годов, в том числе более пристальное внимание к национальным меньшинствам, была следствием изменений как внутри страны (ужесточение политического режима), так и за рубежом. Во время «Великой депрессии» 1929–1933 годов Версальско-Вашингтонская система подвергается серьезным испытаниям. На карте мира формируются очаги международной напряженности: в Европе их провоцирует политика фашистской Италии и нацистской Германии, на Дальнем Востоке – милитаристские притязания Японии. Советское государство не могло оставаться в стороне от мирового политического процесса, но в то же время само имело целый ряд внутренних проблем.

Достижение идеологического единства, сохранение территориальной целостности и обеспечение безопасности пограничных территорий являлись первоочередными задачами большевистского руководства, в осуществлении которой особая роль возлагалась на органы госбезопасности. В зону проблемных территорий попадали все приграничные районы; не стал исключением и Крымский полуостров с его многонациональным составом населения.

Напомним, что учреждение Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР было принято постановлением ВЦИКа от 6 февраля 1922 года с целью подчинения милиции и органов госбезопасности одному ведомству. Перед ГПУ были поставлены следующие задачи: подавление открытых контрреволюционных выступлений и проявлений бандитизма; принятие мер охраны и борьбы со шпионажем; политическая охрана границ РСФСР; борьба с контрабандой и переходом границ республики без соответствующих разрешений⁴. 15 ноября 1923 года Президиум ЦИК СССР постановил преобразовать ГПУ при НКВД РСФСР в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В свою очередь, НКВД РСФСР освобождался от функции обеспечения государственной безопасности, оставляя за собой обеспечение общественного порядка, пресечение бандитизма и иных правонарушений, а перед ОГПУ, в соответствии с «Положением о Государственном политическом управлении», ставились дополнительные задачи: предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений – как политических, так и экономических; раскрытие контрреволюционных организаций и лиц, деятельность которых направлена к подрыву хозяйственных органов республики⁵.

Для реализации возложенных задач ОГПУ представлялось право организовывать на местах отделы при ЦИК автономных республик и областей. К таким подчиненным

управлениям относился и Крымский отдел ОГПУ, в понятийном аппарате которого широко использовался термин «оперативно-агентурная разработка колонии». В данном случае термин «колония» означал, видимо, совместное проживание на определенной территории выходцев и переселенцев из какого-нибудь государства – представителей одной национальности вне зависимости от формы расселения (компактное или дисперсное). Например, все болгарское население Крымского полуострова (как советские, так и иностранные подданные) считалось представителями одной болгарской колонии, которая проходила в Крымском отделе ОГПУ под названием «Болгария». Разработкой колонии занимались спецагенты, спецосведомители и осведомители, а зачисление к той или иной категории, как свидетельствуют архивные документы, осуществлялось в зависимости от сложности поставленных задач. В ходе их решения Крымский отдел ОГПУ осуществлял оперативную деятельность посредством следующих мероприятий: опрос граждан (гласный, негласный, зашифрованный), наведение справок, исследование предметов и документов, наблюдение (гласное, негласное), контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, перлюстрация, оперативное внедрение (ввод сотрудника в разработку), оперативный эксперимент.

В нашем исследовании рассматривается лишь деятельность Крымского отдела ОГПУ по «спецособистскому обслуживанию болгарской колонии» – так именовалась агентурно-оперативная работа, проводимая в отношении болгар, проживающих на Крымском полуострове как в компактных, так и смешанных поселениях. В агентурную сеть по «болгарской колонии» входили спецагенты (4 чел.), спецосведомители (6 чел.) и осведомители (11 чел.). Сотрудничали с ОГПУ в основном местные болгары, которые имели советское гражданство, хотя органами безопасности вербовались и иностранные подданные: трое человек, числившихся на агентурной работе, имели гражданство Болгарии⁶.

Работа «по спецособистскому обслуживанию колонии» проводилась в таких направлениях:

- выявление компактных болгарских поселений в Крыму;
- сбор информации по районам и городам о количестве проживающих болгар;
- агентурные сводки по конкретным населенным пунктам, информация о политическом и экономическом состоянии с общими данными по колонии (количество болгарского населения городского и сельского, в том числе иностранцев; социальное расслоение, политэмигранты и т. д.); особо обращалось внимание на характеристику болгарских сельсоветов и колхозов, связи с посольствами, лицами других национальностей и т. д.;
- выявление общего и политического настроений населения, определение тенденций к эмиграции из СССР и за пределы Крыма;
- агентурное наблюдение за преступными или подозрительными лицами, группами и организациями на территории РСФСР и за границей;
- учет и разработка болгарских подданных, в том числе политэмигрантов и перебежчиков;
- перлюстрация почтово-телеграфной и иной корреспонденции болгар, как внутренней, так и заграничной (которая поступала из-за границы и отправлялась за границу);
- регистрация уличенных и заподозренных в преступных деяниях лиц и их дел (в том числе за шпионаж в пользу Болгарии);
- составление учетных списков болгар (общих списков жителей поселка, контрреволюционно-настроенных, антисоветских элементов; болгар, чьи родственники были репрессированы, или самих репрессированных) и т. п.

К рубежу 30-х годов XX ст. сельские пункты, населенные болгарами исключительно (10 колоний) и частично, были разбросаны по территории Крыма, но основное население проживало в Карасубазарском (до 3 тыс. человек), Керченском (до 2,5 тыс. чел.), Красно-Крымском (до 5 тыс. чел.), Симферопольском (до 900 чел.) и в Джанкойском (до 200 чел.) районах, то есть преимущественно между Симферополем и Феодосией⁷.

Болгарские колонии в Крыму (по состоянию на 1933 год)⁸

Районы	Населенные пункты
Симферопольский	Новый Сарабуз, Ново-Романовка, Бар-Чокрак
Сейтлерский	Желябовка, Ново-Царицино
Кировский	Софиевка, Кобек, Малые Киличи
Карасубазарский	Кабурчак, Нижняя Асма, Верхняя Асма
Ленинский	Марфовка
Старо-Крымский	Болгарщина, Кишлав, Коктебель
Ичкинский	Новый Мир, Николаевка, Карабай-Келус, Степановка

Большое количество болгар проживало в смешанных поселениях. Если в Феодосийском (Старо-Крымском) районе поселки Болгарщина и Кишлав были моноэтническими (795 и 1759 человек), то Коктебель, Булчанак, Кипчак считались смешанными с соответствующим количеством болгар 760, 53 и 24 человека⁹.

Среднее количество жителей в каждом сельсовете составляло от 80 до 100 человек. На начало 1932 года общая численность болгар в Крыму составила 11 377 чел. (1,6% по отношению ко всему населению полуострова), из них в сельской местности проживало 10015 болгар. На конец 1932 года количество болгар в Крыму превышало уже более 13 тыс., из них 11 тыс. в сельской местности, достигнув в 1939 году 15 тыс. человек¹⁰. Увеличение численности болгар связано с природным приростом населения. В то же время процент смешанных браков уже на тот момент был значительным, но так как национальность ребенка определялась по отцу, а количество мужчин-болгар преобладало над численностью женщин-болгарок, то и дети записывались по национальности отца. В отличие от XIX – начала XX в. влияния на численность болгар Крыма миграционных потоков из Болгарии или из внутренних районов СССР не наблюдалось. Болгарские перебежчики или политэмигранты по прибытию в Крым незамедлительно ставились на учет и брались в разработку, а их перемещение по стране отслеживалось. Но таковых было немного, и большого влияния на болгар, живущих на полуострове, они не оказали.

Кроме общих статистико-демографических показателей, в фондах ГОА СБУ представлена характеристика болгарского населения и по другим показателям: пол, классовая и социальная принадлежность, род занятий, наличие судимости и т. д. К примеру, к болгарской колонии Керченского района относилось 55 чел., в том числе 1 иноподданный; семей – 8, одиночек – 16, мужчин – 28, женщин – 10¹¹. По Сейтлерскому району на учете в районном отделе НКВД состояло 76 болгар, из них «кулаков» – 21 чел., взрослых членов семейств и осужденных «кулаков» – 50 человек¹². По роду занятий болгары, населяющие Крым, распределялись следующим образом: работники сельского хозяйства; интеллигенция; рабочие промышленности; младший обслуживающий персонал; государственные служащие.

Главной сферой занятости для болгар Крыма оставалось сельское хозяйство, а основными его отраслями были растениеводство, животноводство (лошади, крупный рогатый скот, овцы, свиньи) и садоводство (фруктовые сады и виноградники). В Сейтлерском районе большое количество земли находилось еще в руках крупных

собственников, а основным занятием было выращивание зерновых культур и выпас крупного рогатого скота. Деревня Кишлав Феодосийского района специализировалась на овцеводстве и табаководстве¹³. Болгары, которые проживали в городе, предпочитали заниматься виноградарством или овощеводством¹⁴.

Для спецслужб было важно определение экономического состояния населения в болгарских колониях. Сложность вопроса состоит в том, что за очень короткий исторический промежуток времени советская власть провела ряд крупных реформ, которые коренным образом меняли жизнь людей по всей территории страны. Сюда следует отнести НЭП и его свертывание, индустриализацию, коллективизацию, которая носила оттенок штурмовщины с явно принудительным характером, непомерные нормы хлебозаготовок, искусственно созданный голод, репрессии, формирование, развитие, а затем и ликвидацию национальных районов и многое другое. Подобного рода действия органов советской власти и их последствия нашли свое отражение в докладных записках сотрудников Крымского отдела ОГПУ по болгарским колониям полуострова.

Так, анализируя выполнение плана хлебозаготовок, всю ответственность за плачевное положение дел по продовольственному обеспечению населения особый отдел ОГПУ возложил на «кулачество», которое якобы саботировало и срывало хлебозаготовки. В докладных записках и спецводках по болгарским колониям в качестве объяснения антисоветских действий болгар приводится их характеристика как «кулаков» или причастных к «кулачеству». Особенно тяжелое положение с хлебозаготовками сложилось весной 1931 года в деревне Марфовка Ленинского района (бывший Керченский район) как результат неблагоприятных для советской власти настроений среди большей части бедноты и середнячества Марфовского сельского совета, вылившихся в массовые эксцессы. В конце марта 1931 года в Марфовский сельсовет явилась группа женщин под руководством середняка Михаила Перонко и Феодоры Влачуги, жены арестованного за невыполнение задания по хлебозаготовкам, которая в очень резком тоне потребовала выдачи им хлеба. В толпе слышались призывы к разгрому амбара, где хранился семенной фонд: «Если сельсовет не хочет нам помочь, то мы сами добудем хлеба, идемте разгромим амбар». Действия разъяренной толпы были предупреждены силами партийных работников, которые долго беседовали с участниками выступления. Аналогичные случаи недовольства фиксировались и в других селениях. В деревне Таш-Алчин Марфовского сельсовета выступление крестьян возглавила жена председателя артели (дочь «кулака»), которая, реагируя на события в Марфовке, говорила: «Забрали у нас хлеб, а теперь жрут только рабочие да служащие, у которых толстые морды. Нас во время хлебозаготовок «штурмовали», теперь мы их будем «штурмовать». Если в Марфовке никого не прикалечили, то нужно будет прикалечить»¹⁵ (орфография и стиль документа сохранены. — Я. К.). В деревне Болгарщина 14 апреля того же года Тишлиев Марк Дмитриевич напал на активиста-колхозника с криками, что убьет его за то, что тот доносил на его родственника Тишлиева Кирилла Константиновича, репрессированного за антисоветскую деятельность¹⁶.

События и высказывания подобного рода не проходили мимо внимания агентов спецслужбы, которые фиксировали их, записывали и передавали в вышестоящие инстанции. Впоследствии активно протестующие и несогласные подверглись различного рода проверкам и репрессиям.

В русле партийных решений о проведении коллективизации особое внимание уделялось зажиточным крестьянам — «кулакам» (по терминологии того времени). Большой удельный вес их был обнаружен сотрудниками Крымского отдела ОГПУ в деревне Желябовка Сейтлерского района (сейчас Нижнегорский район). Все основные отрасли

хозяйства (до 75%, что составляло около 120 хозяйств), по их мнению, находились в руках кучки «кулаков», а на долю остальных приходилось всего 25%. Для того чтобы обеспечить запланированный свыше процент коллективизации, по отношению к «кулакам» применялись репрессивные методы: только в деревне Желябовка было репрессировано до 75 человек, в основном представители «зажиточных» (в документе параллельно фигурируют две синонимические дефиниции: «кулаки» и «зажиточные». – Я. К.) хозяйств семей Тыквенковы, Зиберовы, Гажевы, Наголовы, Маферовы, Фармакидовы, Каражены, Стамовы, не говоря уже о самом крупном хозяйстве Сопчевых¹⁷.

Как результат, удельный вес коллективизированных болгар по Крыму к 1931–1932 году составил 53%, тогда как в 1930–1931 году эта цифра не достигала и 8%. Основными причинами такого стремительного роста численности «желающих» вступить в колхоз стали принудительные методы коллективизации.

Кроме характеристики демографических и экономических показателей, большую заинтересованность спецслужб вызывают настроения в среде болгарской диаспоры. Одним из источников их изучения служила переписка, посредством которой крымские болгары поддерживали связь с родиной. Советские органы безопасности в обязательном порядке перлюстрировали как входящую корреспонденцию из Болгарии и Румынии, так и исходящую из Крымского полуострова. Переписку с «заграницей» вели не только болгары, но и русские, имевшие родственников в Болгарии. Содержание переписки в основном сводилось к обмену новостями семейного и любовного характера. В корреспонденции, идущей в Болгарию, превалируют просьбы о передаче продуктовых посылок, иногда – описание тяжелых продовольственных затруднений. Корреспонденция, которая имела хоть малейший намек на критику советского режима или мероприятий, проводимых органами советской власти, изымалась. Если же оценивать настроение пишущих из Болгарии, следует констатировать неудовлетворенность своей жизнью – кризис в экономике, безработица; а также тоску эмигрантов по родине, намерение вернуться. Письма, полученные из Болгарии, действовали на местных болгар обескураживающее, притупляя стремление к эмиграции. Чтобы не допустить изъятия корреспонденции, придумывались разные хитрости, например, небольшие пометки на письме: «Если в Румынии хорошо живется, то отец сверху письма ставит две точки, а если плохо, то в конце письма»¹⁸.

До установления в 1934 году советско-болгарских дипломатических отношений на территории СССР отсутствовали какие-либо учреждения Болгарского царства, поэтому крымские болгары пытались установить связь с Болгарией через представительства других государств. Так, согласно циркуляру ОГПУ по Крыму № 8985/6 от 18. 08. 1930 г., Министерство иностранных дел Польши договорилось с правительствами Болгарии, Югославии, Румынии и Венгрии об опеке граждан этих стран в СССР¹⁹. Однако, поскольку правительство СССР подобного договора с Польшей не заключало, то эти действия расценивались как проводимые в нелегальном порядке. К тому же Москва инкриминировала Варшаве контрреволюционный характер подобного рода связей со странами Центральной и Юго-Восточной Европы с целью шпионско-вредительских действий против советской власти. Соответственно, все лица болгарской национальности, проявившие малейший интерес к польским дипломатическим учреждениям, моментально попадали под строжайший надзор Особого отдела ОГПУ²⁰. Информацию о них получали путем все той же перлюстрации дипломатических документов, а также через советских агентов из среды болгар и польского посольства. Стало, например, известно, что болгарка М. П. Семкова, жительница деревни Подгорное-Петровское (под Симферополем), обратилась с жалобой в польское

посольство в Москве на действие советских органов по раскулачиванию. В ответе польское посольство указало, что раскулачивание ее, как иностранной подданной, неправильно и посоветовало обратиться к местным властям с соответствующим заявлением²¹. Более серьезный случай, с точки зрения Особого отдела, был зафиксирован в конце 1931 года, когда была раскрыта группа, пытавшаяся установить связь с польским посольством на предмет оказания помощи и получения документов для своих родственников – сосланных на Урал «кулаков» из числа болгар²².

Раскрытие этой и других подобных «организаций», связей и «заговоров» было одним из результатов агентурной разработки, проводимой Особым отделом ОГПУ при СНК СССР. К такой разработке часто привлекались завербованные агенты из числа болгар. Характерный пример – агентурное дело «Организаторы». Несколько болгарских политэмигрантов, проживающих в Симферополе, создали инициативную группу, целью которой было улучшение связи с парторганами и усиление политико-просветительской работы среди политэмигрантов, что рассматривалось как непозволительная самостоятельность. К такой же категории дел относится разработка агентурного дела «Неудачники» – внедрение советского агента из числа болгар в группу болгар из Джанкоя, которые пытались оказать помощь родственникам – «кулакам», высланным на Урал. Согласно новой редакции Уголовного кодекса от 1 января 1927 года, лица, проходившие по делам «Организаторы», «Неудачники» и им подобным, привлекались к криминальной ответственности по статье 58 УК РСФСР – в публицистике ее называют «самой крамольной советской статьей». Основными пунктами обвинения, согласно данной статье, были следующие положения: участие в контрреволюционной деятельности, шпионаж, антисоветская агитация и пропаганда, а мера пресечения определялась расстрелом с конфискацией имущества, или (при смягчающих обстоятельствах) расстрел мог быть заменен лишением свободы со строгой изоляцией на срок не менее пяти лет с конфискацией всего имущества²³.

В процессе разработок и внедрения агентов вполне приемлемыми считались и такие методы получения информации и ведения агентурной работы, как любовная связь, интимные отношения, брачный союз и т. д. Яркий пример – дело «Угорь», когда агент «Полевой» в течение нескольких лет жил фактическим браком с болгаркой Шляхтиной (урожденная Чумакова, дочь белого генерала Чумакова) – женой бывшего белого полковника Э. Э. Шляхтина, и все время предоставлял информацию о настроениях в семье, о связях с родственниками, которые проживали за границей, и т. д.²⁴

Параллельно с внедренными агентами в болгарской колонии действовал ряд спецосведомителей, для которых в 1930-х годах также использовали синонимические термины «наушник, доноситель, доносчик, стукач, доказчик» и т. п. Такая форма работы в болгарских поселениях руководством ОГПУ оценивалась как недостаточная и по количественным, и по качественным показателям. Трудность создания спецосведомления связана с тем, что болгарское население проживало в основном в сельской местности, где завербовать кого-либо из местных болгар было предельно сложно.

Несмотря на небольшое количество подданных Болгарии, живших в Крыму, этой категории граждан уделялось особое внимание – для них разрабатывался ряд специальных мероприятий. Учитывая внешнеполитический курс СССР в начале 1930-х годов и напряженные отношения с Болгарией и Румынией, повышение активности террористической монархической организации генерала Кутепова на Балканах и перемещение ее центра на болгарскую территорию, Особый отдел ОГПУ держал под бдительным присмотром всех болгарских подданных, а особенно политэмигрантов, опасаясь, что они могут быть использованы монархистами в своих целях²⁵. В разны

годы количество подданных Болгарии на Крымском полуострове составляло 47–57 человек: сюда входят политэмигранты, появившиеся после подавления сентябрьского восстания 1923 г., спровоцированного Коминтерном, и болгарские учителя, прибывшие для работы в Крыму. Поскольку подданных Болгарии – выходцев из Крыма было ничтожное количество, то практически все они в течение 1930-х годов получили разрешение принять советское гражданство. Те же, кто не принял советское гражданство, по мнению органов ОГПУ, используя свой статус иноподданного, демонстрировали свое преимущество перед местными болгарскими гражданами Советского Союза. Покинуть СССР болгарские подданные не особо стремились по политическим соображениям или из-за боязни потерять имущество; вместо этого они пытались посредством установления связи с прародиной добиться для себя, как иностранцев, более выгодного положения. По состоянию на 15 июля 1932 года в Крыму проживало 19 болгарских политэмигрантов. Согласно данным Особого отдела, они все без исключения были взяты на учет и в разработку²⁶.

Повышенное внимание уделялось перебежчикам, вне зависимости от того, когда и как они прибыли в СССР. В начале 1930-х годов отмечалось увеличение случаев нелегальной переправы болгар на советскую территорию. В частности, 8 июля 1932 года в 30 км от Ак-Мечети было задержано парусно-моторное судно с пассажирами, прибывшими из Варны: 5 мужчин, 3 женщины и ребенок. Основной причиной побега из Болгарии называлась неблагоприятная экономическая ситуация. Перебежчики не были депортированы обратно в Болгарию, а отправлены в Саратовский карантинный лагерь ОГПУ для дальнейшей фильтрации. Известны случаи побегов из Болгарии по политическим мотивам. 21 июля того же года в Севастополе была задержана моторная лодка с 13 пассажирами. Несколько перебежчиков оказалась членами Болгарской коммунистической партии. Их освободили и отправили в Москву в распоряжение МОПРа²⁷, а остальных направили для дальнейшей фильтрации в Саратовский карантинный лагерь²⁸.

Таким образом, в начале 1930-х годов жизнь болгар Крымского полуострова не отличалась стабильностью и спокойствием: постоянно растущие нормы хлебазаготовок, перебой с продовольственным снабжением, боязнь открыто высказывать свои мысли и суждения, аресты и репрессии держали население в состоянии постоянного страха, поддерживаемого вседозволенными органами ОГПУ.

С образованием же в 1934 году мощного аппарата НКВД и принятием законодательных актов, заложивших базу для массовых репрессий, разворачивается новый этап тотального террора. С этого времени в автономии неуклонно будет возрастать количество рассматриваемых спецколлегией суда дел о «контрреволюционных преступлениях», в коих уличались все слои общества: рабочие, колхозники, служащие, служители культа, «деклассированные элементы» и т. д. Крымские болгары оказались в числе наиболее пострадавших, но это уже тема другой статьи.

¹ Указ Президента Украины № 37/2009 «О рассекречивании, обнародовании и изучении архивных документов, связанных с украинским освободительным движением, политическими репрессиями и голодоморами в Украине». – Официальное интернет-представительство Президента Украины. Режим доступа к документу: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/8851.html>

² 15 ноября 1923 г. Постановлением ВЦИК ГПУ НКВД РСФСР преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. В связи с созданием НКВД СССР в 1934 г. ОГПУ вошло в состав НКВД СССР как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ).

³ Носкова, И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура. Симферополь, Крымское Республиканское общество болгар им. Паисия Хилендарского, СОНАТ, 2002. 151 с.; Парзулова, М. Крымские болгары: Етнос. Език. Етнимия. Ономастика. Просопографии. Одеса, 2007. 274 с.; Андриющенко, І. О. Концептуалізація етнічної традиції (на матеріалі культури кримських болгар): Автореф. дис. ... канд. культурології: 26.00.01, Таврійський національний ун-т ім. В. І. Вернадського. Симферополь, 2009. 20 с.

⁴ Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник / Под редакцией академика А. Н. Яковлева; авторы-составители: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., МФД, 2003, с. 423.

⁵ Там же, с. 461.

⁶ Государственный отраслевой архив Службы безопасности Украины (далее – ГОА СБУ), ф. 13, д. 1134, л. 62, 64.

⁷ Там же, л. 61.

⁸ Там же, л. 463.

⁹ Там же, л. 160.

¹⁰ Сквозь века / Ред.-сост. Н. Николаенко. Симферополь, [б. и.] (Народы Крыма). 1995, вып. 1. Отв. за вып. Л. Сергиенко, с. 53.

¹¹ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 368.

¹² Там же, л. 464.

¹³ Там же, л. 160.

¹⁴ Там же, л. 73.

¹⁵ Там же, л. 9, 11.

¹⁶ Там же, л. 161.

¹⁷ Там же, л. 505–506.

¹⁸ Там же, л. 124.

¹⁹ Там же, л. 91.

²⁰ Перечень функции Особого отдела ОГПУ при СНК СССР после реформы 15 сентября 1930 г.: контрразведка против разведок спецслужб западных стран, наблюдение за иностранными представительствами и колониями на территории СССР, борьба с антисоветской деятельностью крестьянских, белогвардейских, молодежных групп и организаций и бандитизмом, борьба с националистическими движениями и организациями, контрразведка против разведывательной деятельности со стороны государств Востока, наблюдение за представительствами и колониями этих стран на территории СССР, оперативное обслуживание армии, флота, оборонного строительства и военно-учебных заведений.

²¹ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 11.

²² Там же, л. 62.

²³ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. – М., Советское законодательство, 1932. 163 с. – Юридическая Россия. Образовательный федеральный правовой портал (v.3.2). Режим доступа к документу: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189>

²⁴ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 62, 64.

²⁵ Там же, л. 100.

²⁶ Там же, л. 63.

²⁷ МОПР – Международная организация помощи борцам революции.

²⁸ ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 36.